

Только Чу Илань был тем, кто мог взмыть в ночное небо.

Тот, кто оставался на земле, каждую ночь смотрел на луну, твердо ступая по прочной почве, и, будучи настоящим мужчиной, ждал того дня, когда его сердце окончательно повзрослеет, чтобы обзавестись парой крыльев, способных унести его ввысь.

Сегодня хозяин Усадьбы Кленовых Листьев был, как всегда, занят, ведь новый император снова собирался его навестить.

И занят он был вовсе не приготовлениями к приему, а планированием того, как поскорее выставить гостя за дверь.

То, что Чу Илань ни во что не ставил этого желторотого императора, было вполне объяснимо: в конце концов, в Усадьбе Кленовых Листьев жили два человека, когда-то носивших императорский титул. А если учесть два восшествия Ли Сяня на престол, то и вовсе три.

Но спешил Чу Илань избавиться от гостя по совсем другой, куда более веской причине: этот настырный племянник серьезно портил его интимную жизнь.

Каждый вечер в это время Ли Синьтянь, прихватив увесистую стопку докладов, в гражданской одежде прибегал в Усадьбу Кленовых Листьев. Под предлогом того, что хочет посоветоваться с Ли Сянем по государственным делам, он на самом деле преследовал лишь одну цель — продолжать быть осьминогом, намертво присосавшимся к Ли Сяню.

Когда терпение Чу Иланя лопалось, он отвешивал парню крепкий щелчок по лбу и яростно приказывал немедленно убираться.

Но это лишь давало Ли Синьтяню законный повод обнять Ли Сяня: его высокое тело притворно дрожало, и он писклявым голосом лепетал: Учитель, мне так страшно. Зрелище это одновременно и злило, и смешило.

Но больше всего Чу Иланя выводило из себя то, что Ли Сянь вставал на сторону Ли Синьтяня.

— Он еще ребенок, откуда ему знать толк в государственных делах? Я его учитель, конечно, я должен его наставлять. А вот ты, бросивший на него всю Поднебесную, как у тебя хватает наглости упрекать кого-то в безответственности?

В итоге отчитывали не кого иного, как самого Чу Иланя.

А усвоенные им уроки императорской мудрости — не гнушаться никакими средствами и действовать беспощадно — Ли Синьтянь тут же применял против него самого.

Нет, так не пойдет. Сегодня он обязательно выставит этого мальчишку вон.

Чу Илань обернулся и рявкнул на слугу:

— Почему его до сих пор нет?

За дверью тут же послышались торопливые шаги:

— Иду, я уже принес!

Чэн Линся, запыхавшись, вбежал в комнату и протянул ему маленький бумажный сверток.

— Мой отец лично составлял состав, но... правда ли стоит подсыпать это в чай новому императору? Разве это хорошо?

— А что тут плохого? Он должен быть благодарен мне за широту души, ведь я использую снотворное, а не яд.

Чу Илань без тени сомнения высыпал весь порошок в чашку и с довольным видом размешал его.

— Но... если господин Ли узнает...

— Если ты не скажешь, откуда ему узнать?

— Но...

— Эй, да что ты такой болтливый! Что но, что?

— Но я уже узнал.

Чу Илань поднял голову и обнаружил, что Ли Сянь уже стоит в дверях с разъяренным лицом, а Ли Синьтянь, радостно сжимая его руку, строит ему злорадные рожи.

Чу Илань в ярости бросился вперед и резким ударом ладони быстро разделил их.

— Ты, наглый мальчишка, почему ты так цепляешься? Неужели не можешь смириться?

— Мне кажется, в чем-то вы двое очень похожи, — робко проговорил Чэн Линся. — И вправду, дядя и племянник по крови.

Двое, которые вечно спорили друг с другом, на этот раз почти хором проревели во всю глотку:

— Чушь собачья! Кто на него похож!

Глядя на эту парочку нелепых родственников, Ли Сянь невольно улыбнулся.

Осенний вечер, кленовые листья алеют в закатном свете, и на душе царит покой и уют.

****Первое дополнение: Воссоединение на берегу моря****

****Записки маленького лисенка****

X год, X месяц, X число

Я, несравненный красавец-лис с самой золотистой шерсткой и самой хитрой улыбкой, теперь живу с Хозяином. Хозяин нежно берет меня на руки и поглаживает мою гладкую шерсть. Каждый раз, когда я демонстрирую ему свою самую гордую улыбку, он сначала улыбается, потом о чем-то задумывается, а потом снова улыбается. Рад он или нет? Ох, человеческие мысли так сложно понять.

Мне нравятся человеческие медные зеркала, в них видно мою прекрасную фигуру.

X год, X месяц, X число

Кризис, великий кризис!!!

Появился ненавистный тип. Хотя он и принадлежит к людскому роду, как и Хозяин, но ощущается как самый противный мне собачий род. Иначе почему он, как пес, весь день не отлипает от Хозяина? Даже мое законное место на руках у Хозяина он занял силой. У-у-у, ненавижу его, почему я не могу его побить!

Слышал, у лисьего рода есть секретное проклятие, надо разузнать и попробовать. Кстати, как звали того пса? Ах да, вспомнил, Ли Синьтянь.

X год, X месяц, X число

Отменяю сказанное, вот теперь настоящий кризис!

Моему статусу несравненного красавца угрожают!

Сегодня пришел гость в светло-желтом одеянии, оно мягче и глаже моей шерстки! А его улыбка в сотню раз хитрее моей! У-у-у, я не смирюсь, я проиграл ему, у-у-у...

Все же Хозяин понял мою скорбь и тревогу и тут же выгнал его.

X год, X месяц, X число

Как это возможно? Как?

Желтый человек, которого выгнал Хозяин, снова вернулся! Какой это раз? Сто второй или сто

третий?

Неважно, сбился со счета. Его наглости нет предела, тут я тоже проиграл.

X год, X месяц, X число

Мерзавец! Мерзавец! Мерзавец! Почему он все еще не ушел, а Хозяин... почему Хозяин больше не выгоняет его!!!

Этому нет прощенья! Кусь!

У-у-у, я всего лишь слегка цапнул его за ногу, а он в ответ укусил Хозяина за губы!

Я точу зубы, я точу зубы, я снова точу зубы.

Эй, почему сзади тоже слышно скрежет зубов? Повернул свою прекрасную лисью голову — это же тот пес.

Записки большого лиса

X год, X месяц, X число

Малец по фамилии Чэн прислал весть — оказывается, А-Сянь спрятался на побережье. Немедленно приказал организовать инспекцию императора на юго-восток, я иду к своему любимому А-Сяню.

О-хо-хо-хо-хо!

X год, X месяц, X число

Драконья колесница все ближе к А-Сяню. Сидя в карете, я вижу перед собой лишь фигуру А-Сяня. И всюду — обнаженную. Тот, кто голодал три года, наконец сможет насладиться роскошным пиром.

X год, X месяц, X число

Подумаешь, выставили пару сотен раз. Как говорится, было бы упорство, а железный прут превратится в иглу.

Сегодня я продолжу следовать духу предка Гоу Цзяня, спавшего на хворосте и вкушавшего желчь, буду стараться изо всех сил и не отступлю.

Кстати, что за питомец у А-Сяня? Совсем не милый, еще и посмел на меня коситься.

X год, X месяц, X число

Питомец А-Сяня такой милый, я пожалуй ему титул Государственного Лиса! Благодаря ему А-Сянь наконец заговорил со мной — это первое слово, сказанное им после воссоединения. Его голос все такой же чарующий, я просто в восторге. Нужно скорее записать каждое слово, а по

возвращении в столицу велеть вырезать их на доске и повесить — такая память! Уверен, он меня простил.

Заболтался, а слова А-Сяня так и не записал. Его нежный голос до сих пор звучит у меня в ушах. Он сказал: Укусила лиса? Так тебе и надо!

А эта его полная сарказма улыбка, яркая, как июньское солнце... Решил написать картину под названием Взаимные укусы человека и лиса, запечатлеть, как лиса кусала меня, а я — А-Сяня. Может, нарисовать рядом и Ли Синьтяня? Нет, пусть катится, его скрежет зубами только портит настрой.

У меня предчувствие, что день возвращения в столицу вместе с А-Сянем уже близко.

****Второе дополнение: Долгая верность****

Зная заранее, что разлука режет сердце, жалею, что прежде любил так глубоко.

Не суждено хранить верность до гроба.

Четырнадцатилетний маленький Ли Сянь старательно вывел эти строки кистью, а затем повернулся к мужчине позади:

— Как тебе мой почерк?

Этот мужчина, спасший его из дворца три года назад во время государственного переворота, навещал его лишь в первые дни каждого месяца, учил его боевым искусствам и чтению.

Он не знал настоящего имени этого человека и даже не смел называть его Учителем. Подобно холодной маске, скрывавшей лицо, сам мужчина был с ним холоден и отчужден, порою даже сдерживая ненависть и неприязнь.

Но в этот миг его стройное тело вдруг задрожало, словно он не выдержал невыносимой ноши, и он склонил свою гордую голову, обнажая кровоточащее сердце перед маленьким ребенком.

— Откуда ты знаешь эти строки? — продрогшим голосом спросил он.

Ли Сянь ответил:

— Когда покойный Император был жив, он часто повторял их. Я слышал их так много раз, что запомнил.

— Он... часто повторял...?

Ли Сянь кивнул:

— Да, все во дворце знали: как только покойный Император начинал читать эти строки, он мрачнел и проливал слезы, убиваясь от горя. Но никто не знал почему.

— Он... горевал... и плакал? — пробормотал мужчина.

Вдруг, словно пробудившись от кошмара, он бросился вперед, выхватил бумагу из рук Ли Сяня, разорвал ее в клочья, подбросил в воздух, а затем, не в силах унять гнев, яростно растоптал остатки ногами.

— Врешь! Ты врешь! Как он мог горевать? Как мог плакать? Он наверняка ликовал, смеялся над тем, как дурак вроде меня позволил себя использовать и обмануть! Я ненавижу тебя, Ли Цзишэн, я ненавижу тебя!

Видя безумие мужчины, маленький Ли Сянь молча забился в угол, с тревогой и страхом глядя на него.

Ли Цзишэн... это имя покойного Императора...

Не суждено хранить верность до гроба... это строки, от которых Император постоянно плакал...

И этот таинственный мужчина перед глазами, который твердит, что ненавидит его, но при этом спас и вырастил его... Бесконечные выкрики «ненавижу тебя» наконец сменились долгим, полным отчаяния истерическим хохотом. Из-под маски показались глаза, темные, словно глубокая вода, из которых выкатились две хрустальные, прекрасные слезинки. В следующее мгновение они упали в пыль, и нефрит рассыпался, не оставив следа.

— Знай я раньше, как больно расставаться, не стал бы так глубоко предаваться любви. Не суждено нам долго быть вместе... не суждено нам долго быть вместе...

Мужчина повторял эти строки снова и снова, пока неистовый смех не стих, утонув в детских, полных обиды рыданиях.

Знай я раньше, как больно расставаться, не стал бы так глубоко предаваться любви. Не суждено нам долго быть вместе... не суждено нам долго быть вместе...

Шрам, выжженный на груди, до сих пор выглядел свежим, и давно зажившая рана внезапно заныла от боли. Тонкие бледные пальцы судорожно сжали место, где пятнадцать лет назад остался след, а острые зубы вонзились в нижнюю губу, из которой выступила капля ослепительно алой крови.

Все его мысли, весь его взор были заслонены образом юноши, который, залитый ярким солнечным светом, протягивал ему руки. Этот образ был ясен, как всегда...

— Жоли? Ты ведь Жоли, правда?... Не бойся, я твой старший брат. Иди ко мне, я здесь, чтобы

забрать тебя отсюда.

Юноша раскрыл ему объятия, и в его неширокой груди он впервые в жизни ощутил тепло.

Мужчина закрыл лицо руками и наконец разрыдался...

Знай я раньше, как больно расставаться, не стал бы так глубоко предаваться любви. Не суждено нам долго быть вместе... не суждено нам долго быть вместе... не суждено нам долго быть вместе...

Меня зовут Ли Жоли, младший брат, которого Император Шэн-ди любил больше всех.

(1) Первая встреча

Пятисотый год династии Хун, правление Императора У-ди. Придворные, изредка обсуждая наследного принца Ли Цзишэна, не могли удержаться от того, чтобы покачать головами: Наследный принц, может, и умен, но характер у него слишком мягкий. Стихи и проза не помогут управлять государством. В конце разговора они неизменно добавляли: Но вот Императрица — настоящая Чжугэ в юбке, женщина властная. То, что наследный принц до сих пор удерживается на своем месте, — целиком заслуга поддержки его матери.

Император У-ди был падок на женскую красоту, его гарем был полон наложниц, а детей у него было хоть отбавляй. Хотя Императрица уже не была юна, она по-прежнему крепко удерживала статус владычицы гарема в жестоких междоусобных битвах, опираясь, разумеется, на свои выдающиеся политические способности. Наследный принц Ли Цзишэн, напротив, совсем не походил на мать: он был робким, и всякий раз, когда отец сурово отчитывал его, а братья плели против него козни, он лишь хлопал своими ясными глазами, опустив голову и закусив губу, безмолвно снося удары судьбы. Если бы не усилия матери, которая старалась оградить его от нападок, его бы, вероятно, давно лишили титула.

Все сановники знали, что наследный принц предпочитает музыку, шахматы, поэзию и живопись. В мире коварства и борьбы за власть эта одинокая фигура пятнадцатилетнего юноши казалась чужеродной.

А в это время семилетний Ли Жоли был еще никому не известен.

Ли Жоли родился в Холодном дворце. Его родную мать сослали туда за проступок перед Императором У-ди, и вскоре после родов она сошла с ума и скончалась. Ли Жоли, принц, рожденный сумасшедшей женщиной в Холодном дворце, был забыт в самом заброшенном и мрачном уголке роскошного императорского дворца, где до него никому не было дела. Лишь в тот год наследный принц Ли Цзишэн, случайно просматривая записи о жизни гарема, узнал о существовании этого брата.

Холодный дворец был местом, куда никогда не проникали лучи солнца. Старые деревья, за которыми никто не ухаживал, застилали небо, переплетаясь ветвями и густой листвой, наглухо скрывая дневной свет. Разрушенные, ветхие постройки напоминали руины, и в этой мертвой тишине изредка доносились пронзительные крики женщины, отчего Ли Цзишэн, впервые ступивший на эту землю, весь содрогнулся.

Он не мог представить, как семилетний ребенок выживает в таком жутком месте.

Подавив страх, он ускорил шаг, направляясь вглубь угрюмого двора.

— Ты кто?

Внезапный окрик заставил Ли Цзишэна вздрогнуть. Он опустил взгляд и увидел перед собой ребенка, прекрасного, словно цветок, и легкого, как ветер. Пара черных, как смоль, глаз, полных упрямства, смотрела прямо на него. Ребенок упер руки в бок и, по-детски гордо вскинув голову, ждал ответа.

Это и есть Жоли? Судя по записям, он был единственным ребенком, проживающим здесь.

Наследный принц наклонился и с улыбкой спросил:

— Жоли? Ты ведь Ли Жоли, верно?

— И что если так? А если нет? Ты вообще кто такой? Что ты здесь забыл? — мальчик нахмурился, выражая явное нетерпение.

Этот младший брат, с детства не знавший ни ласки, ни воспитания, даже не узнал одеяния наследного принца. Ли Цзишэн не знал, как тот жил все эти годы. В сердце принца возникла горькая жалость, и он раскрыл свои объятия:

— Не бойся, я твой старший брат. Иди ко мне, я пришел, чтобы забрать тебя отсюда.

Луч солнца упрямо пробился сквозь густую крону и лег рядом с ногами Ли Цзишэна. Мальчик заворуженно смотрел на его мягкую улыбку.

В том месте, где он рос, были лишь беспомощный плач и горестные крики, но никогда не было такой искренней, светлой улыбки.

— Заберешь меня? — ребенок в нерешительности сделал шаг вперед, и Ли Цзишэн тут же подхватил его на руки.

Эта грудь — она слегка дрожала от страха перед тьмой этого места, но все же излучала тепло, которое он так ясно почувствовал.

С этого дня мое имя — Ли Жоли, двадцать седьмой сын Императора У-ди. В тот день он покинул холодный дворец в любящих, дарящих покой объятиях.

Ли Жоли забрали на воспитание в резиденцию наследного принца. Когда Ли Цзишэн доложил об этом Императору У-ди, тот лишь с раздражением кивнул, показывая, что принял к сведению, и совершенно не придавал этому значения.

Никто из придворных чиновников и военачальников не обращал внимания на маленького, двадцать седьмого по счету принца. Без поддержки влиятельного рода матери ему было не суждено взойти на престол. Тем временем другие, более могущественные принцы уже давно жадными взорами следили за статусом наследника, который принадлежал их нелюбимому отцом старшему брату.

Тайная борьба и открытые столкновения разгорались всё жарче.

Прошло восемь лет.

Сегодняшний вечер в резиденции наследного принца выдался на редкость суматошным: слуги непрерывно сновали туда-сюда.

Сегодня был день рождения Ли Жоли. По обычаям династии Хун, когда юноше исполнялось пятнадцать лет, он считался совершеннолетним и мог брать жен и заводить детей.

Из дворца прислали лишь формальные подарки, но Ли Цзишэн подготовил для него роскошный праздничный банкет.

Сразу после банкета следовал обряд первой брачной ночи.

Ли Цзишэн лично выбрал смышленную служанку, которая должна была стать спутницей брата в эту ночь. После наступления утра эта девушка становилась первой наложницей Ли Жоли.

— Господин, уже поздно, вам пора отдохнуть, — осторожно доложил слуга. — Не упустите благоприятный час для вступления в брак.

Юноша в комнате обернулся; его лицо перекосило от гнева, и он рявкнул:

— Хватит болтать, проваливайте! Все вон!

Слуги прекрасно знали, что их маленький господин отличается суровым и строптивым нравом, совсем не чета добродушному наследному принцу, поэтому поспешно и покорно ретировались.

В воцарившейся тишине было слышно лишь тяжелое дыхание юноши. Гневный румянец быстро разливался по его красивому лицу.

Он не хотел никаких праздничных банкетов и никаких женщин для первой ночи. Он лишь мечтал, чтобы старший брат, как в детстве, нежно прижал его к себе и прошептал несколько ласковых слов — этого было бы вполне достаточно для его счастья.

Но за весь вечер брат ни разу к нему не подошел, а как только банкет закончился, и вовсе исчез, словно растворился в воздухе.

Ли Жоли понимал: как и в последние два года, брат намеренно избегал его.

В детстве Ли Цзишэн души не чаял в Ли Жоли, можно сказать, даже баловал его. Он любил детей и обожал с ними играть. У самого Ли Цзишэна тоже были дети, но он не мог позволить себе быть с ними близким. Он — наследный принц, и ребенок, которого он окружит особой любовью, может стать наследником престола и будущим императором. Стоило ему проявить хоть немного внимания к кому-то из своих детей, как жены и наложницы из враждующих кланов тут же доносили об этом своим семьям, и начинали плестись невидимые, но опасные политические интриги. Поэтому всю свою нежность Ли Цзишэн изливал на этого хрупкого лицом младшего брата. Лишь находясь рядом с ним, далеким от какой-либо политики, он мог забыть об изнуряющих распрях и жутких кознях.

Он не был сильным и властным старшим братом, зато оказался любящим и терпеливым. А младший брат, попавший в Резиденцию наследного принца с нравом замкнутым и вспыльчивым, по какой-то чистой случайности согласился сблизиться только с Ли Цзишэном, словно птенец, принявший за мать первое попавшееся на глаза существо.

Пусть отец-император и не жаловал его своим расположением, Ли Цзишэн всё же оставался наследником, а потому помимо собственной заботы обеспечил младшему брату самую лучшую жизнь и наилучшее образование.

Однако столь нежные и крепкие братские узы продержались лишь до двухлетней давности.

Милый ребенок рос день ото дня, и детские черты постепенно сменялись поразительной, холодной и манящей красотой — до боли ослепительной, на которую едва ли хватало смежности смотреть.

Получивший возможность учиться и постигать боевые искусства Ли Жоли очень быстро явил миру свой блестящий талант, озарив всё вокруг сиянием, преуспев как в науках, так и в ратном деле.

Среди слуг даже начали шептаться втайне, что одаренный и чарующий двадцать седьмой принц гораздо больше похож на нынешнюю императрицу, чем трусливый наследник, чья внешность в лучшем случае можно было назвать просто миловидной.

Ли Цзишэн стал избегать его и отдаляться вскоре после этого.

Дело было вовсе не в том, что он не слышал тайных пересудов прислуги — к ним он относился равнодушно. Жоли был его самым любимым братом, и успехи младшего могли вызывать у него лишь гордость.

Истинная причина крылась в том, что он начал бояться жесткого, упрямого и властного брата.

По мере того как тот рос и набирался сил, способный младший брат постепенно стал смотреть свысока на никчемного старшего и даже принялся в открытую корить его за бессилие и трусость.

— Хватит целыми днями бренчать на цитре да картины писать, какая от всего этого польза?

— Ты и впрямь позволил третьему брату безнаказанно насмехаться над тобой в те годы? Ты вообще мужчина или нет? Не мог дать сдачи на словах?

— Неужели в тебе совсем не осталось хоть капли величия наследного принца? С таким отношением ты рано или поздно лишишься своего статуса!

.....

Подобные упреки — те самые, которыми мать и дядя в прошлом вновь и вновь сурово пилили его — слетали с уст брата в ином, издевательском тоне и ранили ничуть не слабее.

Он бы и рад, да не мог. У человеческих возможностей всегда есть предел. А он — всего лишь смертный, на чьи плечи взвалили непосильную ношу.

Юный брат-вундеркинд никак не мог взять в толк всю горечь простого смертного.

Подобно своей властной матери, он лишь беспрестанно корил его за то, чего тот был не в силах совершить. В итоге это лишь сильнее вгоняло Ли Цзишэна в комплексы и отчаяние.

<http://bllate.org/book/21139/2144080>